

Когда жил и творил грамматик Диомед?

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы точнее определить место творчества Диомеда в истории римской грамматической доктрины. Ввиду особой близости труда Диомеда¹ к учебнику Харизия², которая позволяет предполагать даже личное знакомство двух выдающихся грамматиков IV века н. э., задача эта сводится в основном к новому определению того отношения, в котором находились друг к другу учебники Диомеда и Харизия. За одним исключением, исследователи объясняли до сих пор необычайное сходство двух учебников либо заимствованиями Диомеда у Харизия, либо обращением обоих грамматиков к общим источникам.

С общим хором ученых, занимавшихся творчеством двух названных грамматиков, не сочетаются лишь голоса двух начинателей научного изучения римской грамматической доктрины — Ф. Озанна (1794–1858) и Г. Кейля (1822–1894). Сопоставив ряд сходных мест в учебниках Диомеда и Харизия, Озанн отметил, что в рассмотренных им местах текст Диомеда более упорядочен и более полон, чем текст Харизия, там же, где последний пространнее текста Диомеда, можно говорить лишь о дополнениях вторичного характера. Приняв во внимание сугубо компилятивный характер учебника Харизия, ученый пришел к общему выводу, что при написании своего учебника Харизий использовал учебник Диомеда³.

Решая вопрос об отношении друг к другу учебников Диомеда и Харизия, следует с особым вниманием отнестись к мнению Кейля, прославленного издателя корпуса римских грамматических текстов. В своем издании учебников Диомеда и Харизия Кейль систематически сопоставил тексты обоих грамматиков, чего нельзя сказать о большинстве других исследователей их творчества. По всей видимости, не без влияния наблюдений Озанна, Кейль не только

---

¹ Diomedes. *Ars grammatica // Grammatici Latini*, ex recens. H. Keilii (далее *GL*) I (Lipsiae 1857) 297–529.

² Charisius. *Ars grammatica*, ed. C. Barwick, addenda et corrigenda collegit et adiecit F. Kühnert (Lipsiae 1964) (далее Barw.) = *GL* I, 1–296.

³ F. Osann. *Beiträge zur Griechischen und Römischen Literaturgeschichte* II (Cassel–Leipzig 1839) 324, 331–336.

счел правомерным ставить вопрос о зависимости учебника Харизия от учебника Диомеда (*GL I, Praef., XLIX–L*), но и явно склонялся к положительному ответу на него (ср. *ibid. L; 256, 1–257, 6*). В частности, вслед за Озанном он полагал, что Диомед был старшим современником Харизия (*ibid. LXVI*)⁴. Однако в некоторых местах Харизий полнее и точнее, по наблюдениям Кейля, воспроизвел содержание источников, которым следовал Диомед, каковое обстоятельство убеждало ученого в самостоятельном обращении Харизия к этим источникам. Не решившись окончательно признать прямое обращение Харизия к тексту Диомеда, Кейль остановился на мысли, что использование одних и тех же источников обоими грамматиками явилось настоящей причиной значительных совпадений в содержании их учебников (*ibid. L*). Это мнение поддержал В. Крист⁵.

Необычайное сходство двух учебников заставляло, тем не менее, все новых исследователей предполагать наличие прямых заимствований одного автора у другого. При общем, не столь детальном, как у Кейля, знакомстве с текстом Диомеда и Харизия нетрудно было прийти к представлению, что отнюдь не учебник Диомеда послужил прототипом учебника Харизия, но, напротив, учебник Харизия был положен в основу грамматического труда Диомеда. Следует согласиться с Озанном в том, что каждая отдельная мысль в учебнике Диомеда развивается последовательнее, чем у Харизия, но в то же время надо признать, что учебник Харизия построен по более строгому плану и полнее освещает основные темы латинской грамматики. Особенно важно отметить, что мнения предшественников Харизий передает в целом более подробно и тщательно, причем несравненно чаще, чем Диомед, приводит он имена тех, чье мнение излагает. Нередко Харизий поочередно представляет ряд мнений, воздерживаясь от собственной оценки. Диомед, напротив, обычно пытается нарисовать новую собирательную картину⁶.

На рубеже 80-х и 90-х годов прошлого столетия Людвиг Йееп первым дал развернутое обоснование представлению о зависимо-

⁴ Ср. F. Osann. *Op. cit.*, 340, 343.

⁵ W. Christ. *Die Leistungen auf dem Gebiete der alten lateinischen Grammatiker // Philologus* 18 (1862): 1, 128–129.

⁶ Ср. H. Keil. *GL I, Praef., LI*; W. Christ. *Op. cit.*, 128; L. Holtz. *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. Étude sur l'«Ars Donati» et sa diffusion (IVe–IXe siècles) et édition critique* (Paris 1981) (далее Holtz) 85.

сти Диомеда от Харизия⁷. Йееп обратил внимание прежде всего именно на те сходные места в учебниках Харизия и Диомеда, где Харизий приводит по порядку подробные выдержки из трудов предшественников, а Диомед по-новому выстраивает материал тех же источников, опуская при этом часть определений и указаний⁸. Йееп воспринял текст Диомеда как новую комбинацию материалов, собранных Харизием. Его доводы в пользу такого представления выглядели довольно убедительными, и благодаря работам Йеепа взгляд на учебник Диомеда как переложение учебника Харизия прочно утвердился в научной литературе.

Правда, Г. Гетц продолжал считать обращение обоих грамматиков к одним и тем же источникам столь же вероятной причиной близости их учебников, как и усматриваемые Йеепом заимствования Диомеда у Харизия⁹. Но уже М. Шанц был вполне склонен принять мнение Йеепа об использовании Диомедом учебника Харизия как единственной причине сходства учебников двух авторов¹⁰. В свою очередь Дж. Толкин счел зависимость Диомеда от Харизия настолько очевидной, что сделал идею такой зависимости исходным постулатом своих построений относительно рукописной традиции учебника Харизия. Подобно Озанну и Кейлю Толкин отметил, что порою одинаковые высказывания предстают у Диомеда в полном виде, а в дошедшем до нас тексте учебника Харизия – в сокращении. Но вместо того, чтобы вновь рассмотреть возможность переработки Харизием текста Диомеда или предположить самостоятельное обращение каждого из этих грамматиков к одним и тем же источникам, он объяснил большую полноту текста Диомеда в отмеченных им местах тем, что Диомед якобы воспроизвел в своем учебнике первоначальную редакцию учебника Харизия, которую переписчики в дальнейшем подвергли сокращению¹¹. Эту версию решительно поддержал К. Барвик¹².

⁷ См. L. Jeep. Bemerkungen zu den lateinischen Grammatikern // *RhM*, N. F. 44 (1889) : 1, 51; *Zur Geschichte der Lehre von den Redetheilen bei den lateinischen Grammatikern* (Leipzig 1893) 60–68; *Die jetzige Gestalt der Grammatik des Charisius* // *RhM*, N. F. 51 (1896) : 2, 401 ff.

⁸ См. Jeep. *Zur Geschichte...*, 61–66.

⁹ См. G. Goetz. Diomedes, Lateinischer Grammatiker // *RE V* (1905) 828.

¹⁰ См. M. Schanz. *Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian IV*, 1¹ (München 1904) 152–154; cp. IV, 1² (München 1914) 169–170.

¹¹ J. Tolkiehn. *Cominianus* (Leipzig 1910) 32; 52 n. 1; 56 n. 1; 72; 98–99.

¹² K. Barwick. *Remmius Palaemon und die römische Ars grammatica* (Leipzig 1922) 9; 15.

Давая свое объяснение случаям сокращенной передачи Харизием высказываний, которые в их полном виде содержатся в учебнике Диомеда, Толкин и Барвик основывались лишь на собственном общем убеждении в зависимости учебника Диомеда от учебника Харизия, настоящего же анализа текста двух авторов, который бы подтверждал зависимость Диомеда от Харизия, они не провели. В этой связи будет уместно указать на небрежный стиль работы Барвика в той части его труда, которая нас непосредственно интересует. Говоря о воспроизведении в учебнике Диомеда более полного, по сравнению с дошедшим до нас, текста Харизия, Барвик ошибочно сослался на Йеэпа вместо Толкина, опрометчиво положившись здесь на свою память¹³.

Мысль Толкина об отражении в учебнике Диомеда первоначальной редакции текста Харизия никем, кроме Барвика, не была подхвачена. Очевидно, ее произвольный характер был слишком заметен. Напротив, поддержанная авторитетом Барвика общая концепция Йеэпа относительно зависимости учебника Диомеда от учебника Харизия была в дальнейшем принята такими видными учеными, как В. Стржеleckий, Л. Ольц и П. Л. Шмидт¹⁴. Единственной альтернативой этой концепции в современной науке выступает выдвинутое еще Кейлем предположение об обращении обоих грамматиков к одним и тем же источникам¹⁵.

В настоящей статье мы попробуем дать новое обоснование старому тезису Ф. Озанна о переложении Харизием учебника Диомеда, при этом, однако, мы не будем исключать и одновременное обращение Харизия к источникам Диомеда. Необычайная близость учебников Диомеда и Харизия может быть объяснена тем, что Харизий принял за написание нового руководства по грамматике, имея основной своей целью представить в исправленном виде учебный материал, собранный Диомедом. Нетрудно при этом допустить, что Харизий имел в своем распоряжении труды грамматиков, которые использовал Диомед при создании своего курса, и не пренебрег возможностью выправить учебник Диомеда непосредственно по его источникам. Текст Диомеда давал серьезные поводы для

¹³ К. Barwick. *Op. cit.*, 9.

¹⁴ См. W. Strzelecki. Diomedes // *Der kleine Pauly* 2 (1967) 57; L. Holtz (см. прим. 6) 85; R. Herzog und P. L. Schmidt (Hrsgg.). *Handbuch der lateinischen Literatur der Antike* V (München 1989) 133.

¹⁵ См. R. A. Kaster. *Guardians of the Language: the Grammarian and Society in Late Antiquity* (Berkeley etc. 1988) p. 271.

исправлений такого рода, о чем можно судить хотя бы по одному из примеров, рассмотренных Л. Йеепом¹⁶. Прямое обращение Харизия к материалам Диомеда тем более вероятно, что нельзя исключать возможности личных контактов между двумя грамматиками.

В нашей попытке пересмотреть устоявшийся взгляд на отношение творчества Диомеда к творчеству Харизия обратим внимание прежде всего на некоторые обстоятельства общего свойства, мало принимаемые в расчет в специальных исследованиях.

При анализе римских учебников латинской грамматики исследователи обычно представляют себе их авторов эрудитами, которые черпали материал для создававшихся ими новых руководств главным образом из ученых трудов, написанных в разные периоды, причем заимствовали из них не только весь теоретический материал, но в значительной мере и примеры из литературных текстов. Это представление, однако, едва ли применимо к наиболее ранним из дошедших до нас учебников широкого содержания, принадлежащим Марию Плотию Сакердосу¹⁷, свидетелю первого столкновения римлян с саксами и франками в 285–286 гг. н. э. (см. *GL* VI, 474, 18–19; 475, 9), и Палладию¹⁸, как можно предполагать, современнику императора Диоклетиана (см. *GL* IV, 119, 26–27). Похоже, что и все основное развитие грамматической доктрины в III – начале IV в. протекало отнюдь не в русле сочинения ученых трактатов.

Римские грамматики во все времена были заняты прежде всего практическим обучением учащихся, и учебники грамматики нередко несут на себе черты слабо упорядоченной записи живого учебного курса. В определенной мере преподавание латинской грамматики строилось на устной традиции¹⁹. Что же касается письменных учебных материалов, которыми пользовались в своей деятельности грамматики, то их основу несомненно составляли конспекты лекций собственных их учителей, чужие ученические записи лекций известных грамматиков (ср. Quint. I, 5, 7: *quae profitentium commentariolis vulgata sunt*)²⁰ и копии, сделанные с таких записей²¹.

¹⁶ *GL* I, 415, 16 sqq., ср. *GL* I, 224, 29; 225, 5 sqq = 289, 19–20, 290, 12 sqq. Barw. См. L. Jeep. *Zur Geschichte...* (см. прим. 7) 62.

¹⁷ M. P. Sacerdos. *Artium grammaticarum libri tres* // *GL* VI (1874) 415–546.

¹⁸ [Probus]. *Instituta artium* // *GL* IV (1862) 45–204.

¹⁹ См. Holtz (см. прим. 6) 81.

²⁰ Ср. М. Е. Сергеенко. *Жизнь древнего Рима* (Москва–Ленинград 1964) 175.

²¹ Ср. P. Wessner. Servius, lateinischer Grammatiker // *RE*. 2R. II (1923) 1845, 60 ff.

К. Барвик высказал предположение, что одним из важных общих источников Харизия и Доната, а равно и целого ряда близких им авторов более позднего времени, явилась некая “школьная грамматика”, которая отличалась от обычных руководств, составленных учеными грамматиками, бедным содержанием и полным подчинением простейшим нуждам школы²². Не видно, однако, настоящих оснований для выделения какого-либо одного единого источника такого рода. Правда, можно было бы принять за таковой утраченный ныне учебник Коминиана (не позднее 3-й четверти III в. н. э.), о котором мы судим главным образом по извлечениям, сделанным Харизием. Но едва ли можно согласиться с утверждением Барвика, что этот учебник представлял собой самостоятельную версию все той же умозрительно реконструируемой “школьной грамматики”. Скорее всего речь должна идти о некой совокупности материалов, отразивших текущую практику преподавания латинской грамматики.

Списки учебных текстов делались, как правило, для собственных нужд и, судя по материалам, использованным в учебнике того же Диомеда, носили часто фрагментарный характер. Весьма показательны, что все древнейшие списки руководств по латинской грамматике, датируемые IV–V веками н. э., выполнены письмом, которое Б. Бишоф был склонен рассматривать как тип курсива²³. Сочинения грамматиков, по-видимому, никогда не издавались по всем правилам подобно сочинениям поэтов и писателей, и было непростым делом составить себе хотя бы небольшую библиотеку из настоящих ученых трудов по латинской грамматике в надежных, полных списках. Даже явно выделяющийся своей эрудицией Харизий смог сослаться на классический труд грамматика I века н. э. Реммия Палемона, как и Диомед, только в главах, посвященных наречию и служебным частям речи: союзу, предлогу и междометию²⁴.

Уже в силу чисто материальных причин грамматики должны были ориентироваться на доктрину непосредственных своих предшественников. Но к этому надо добавить и то, что едва ли труды выдающихся грамматиков I–II вв. н. э. могли вызывать подлинный

²² Barwick (см. прим. 12) 16.

²³ В. Bischoff. *Paléographie de l'Antiquité romaine et du Moyen Age occidental* (Paris 1935) 86, n. 157.

²⁴ См. *GL* I, 187, 1 (ср. 403, 18); 225, 5 (ср. 415, 16 sqq.); 226, 1; 231, 1; 232, 11; 238, 23 = 241, 23; 290, 12; 291, 22; 299, 14; 301, 22; 311, 10 Barw.

интерес у грамматиков III – начала IV века. В условиях культурного упадка, который Л. Аве назвал “средневековьем III века”²⁵, мало кто мог увлечься общими теоретическими построениями грамматиков I–II веков, а что касается их определений конкретных грамматических форм, то они с течением времени устаревали и уже грамматиками III века должны были во многом восприниматься как нечто непривычное.

Перелагая в учебном курсе большей частью рутинный материал, грамматика по ходу дела предлагали, где считали нужным, свое собственное толкование отдельных грамматических форм. Наиболее видные из грамматиков, преподававших в городе Риме, умели утвердить свой взгляд на конкретный предмет в широком кругу учеников и последователей. Слово таких грамматиков ценилось, с конспектов их слушателей делались копии. Авторитетное мнение тут же превращалось в норму. Судя по всему, именно так, преимущественно в рамках практического обучения грамматике, совершалась эволюция грамматических учений, и это происходило, надо полагать, почти незаметным для современников образом.

Способ передачи накопленных знаний и способ дальнейшей разработки грамматического материала определяли отношение новых поколений грамматиков к предыдущим. Заимствуя основной материал у своих непосредственных предшественников, часто прямых учителей, принимая в качестве некой нормы предлагавшиеся ими определения грамматических форм, составители новых учебных руководств находили излишним называть свои источники. Они, как правило, были всем известны, а главное – взятый у них материал обычно составлял основу нового учебника и никак не выделялся в его тексте, и потому особые ссылки здесь оказывались неуместны. По этой причине, надо полагать, мы не находим ни одной ссылки на предшественников в учебнике Сакердоса, а у Палладия встречаем лишь ссылки на Плиния (23/24–79 гг. н. э.) (GL IV, 89, 10; 133, 7–8, 11; 137, 11).

В IV веке произошли весьма ощутимые изменения в деле преподавания латинской грамматики и в деле разработки грамматической теории. Совершилась переоценка общественного значения деятельности грамматиков, преподававших, по определению Квинтилиана, науку правильной латинской речи (*recte loquendi scientiam*, Quint. II, 4, 1). Если прежде грамматики, как правило,

---

²⁵ См. L. Havet. *Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins* (Paris 1911) 8.

занимали в обществе положение скромных ремесленников²⁶, то теперь в глазах властей предрержащих их деятельность получила государственное значение, так что император Юлиан (361–363 гг.), а за ним императоры Валентиниан I (364–375 гг.), Грациан (375–383 гг.) и позднее Феодосий II (408–450 гг.) издали ряд эдиктов, имевших целью поддержание достаточно высокого уровня преподавания грамматики и риторики (*Cod. Theod.* XIII, 3, 5; XIV, 9, 1; XIII, 3, 11; XIV, 9, 3)²⁷.

Разумеется, попечение императоров о преподавании грамматики было определено прежде всего потребностью в образованных чиновниках, сильно возросшей в IV веке в связи с бюрократизацией римского государства. Вместе с тем грамматическая школа переживала собственный внутренний кризис, усугубленный общим культурным упадком III века н. э., и назрела необходимость в ее поддержке со стороны государственной власти для приведения преподавания грамматики в соответствие с новыми культурными нуждами. Фонетическая эволюция латинского языка, постепенное изменение лексического состава и стилистики живого литературного языка сделали очевидным к IV веку н. э. значительное расхождение вновь установившихся норм с образцами литературного языка классического периода, по которым учили грамматики. Необходимо было установить критерии выбора между разными нормами и для этого обновить знание грамматической теории.

Перенос политического центра римской империи на греческий Восток и устройство новой столицы на Боспоре, получившей в 330 году имя Константинополь, пожалуй, еще более, чем общая бюрократизация римского государства, способствовали повышению общественного внимания к деятельности грамматиков. Для образованных и честолюбивых греков открывался теперь несравненно более широкий доступ к самым разным должностям в центральном управлении Империи, важнейшим же условием поступления на императорскую службу и дальнейшего продвижения на ней являлось приличное знание латыни²⁸. В Константинополе, таким образом, возникла сразу же необходимость в устройстве грамматической школы достаточно высокого уровня, где могли бы совершенствовать свои познания в латинской словесности молодые люди, не-

---

²⁶ Ср. H.-I. Marrou. *Histoire de l'éducation dans l'Antiquité* (Paris 1965) 401; М. Е. Сергеенко. *Указ. соч.*, 181–182.

²⁷ Ср. Marrou. *Op. cit.*, 441–442; 446–447.

²⁸ Ср. A. H. M. Jones. *The Later Roman Empire 284–602 II* (Oxford 1964) 990.

редко основательно обученные греческим грамматиком и уже получившие некоторую подготовку у латинского грамматика.

Благодаря тому важному значению, которое придавалось их деятельности, в Константинополе ведущие грамматики пользовались столь большим почетом, что бл. Иероним (347–419/420 гг.) в своем продолжении “Всемирной хроники” Евсевия счел необходимым упомянуть о кончине в Константинополе в 358 г. “ученейшего” грамматика Эванция и о прибытии из Африки грамматика Хреста, призванного на место усопшего. Сообщение Иеронима для нас тем более интересно, что Г. Узенер нашел в рукописной традиции некоторое основание для того, чтобы попытаться истолковать имя *Chrestus* в тексте Иеронима как искаженное имя *Charisius*²⁹. Нарочитое использование в учебнике Харизия имен *Iulianus* и *Augustus* в качестве примера одной из грамматических форм (*GL I, 44 = 54, 5–6 Varw.*) довольно определенно свидетельствует о том, что Харизий писал свой учебник в начальный период правления императора Юлиана (361–363 гг.)³⁰. К этому времени он уже был удостоен почетного звания “совершеннейшего мужа” (*vir perfectissimus, 1 Varw.*). Появление в Константинополе в 358 году именно Харизия в качестве видного грамматика весьма вероятно.

Повышенные требования к ведущим латинским грамматикам в Константинополе заключали в себе определенное побуждение к обновлению теоретических знаний. Особое значение имело то обстоятельство, что немалое число учащихся мыслило категориями иного языка и, более того, было в той или иной мере знакомо с учениями греческих грамматиков. Вновь возникшая у преподавателей латинской грамматики потребность в более углубленном теоретическом знании заставила их обратиться к старым трудам римских грамматиков классического периода. В Константинополе видные грамматики имели возможность получить в свои руки редкие списки этих трудов. Здесь собиралась новая императорская библиотека, и при ней под непосредственным наблюдением императорской власти действовал скрипторий (ср. *Cod. Theod. XIV, 9, 2*). Достаточно высокое положение, которое заняли в Константинополе видные грамматики, внимание к их деятельности самих императоров позволяли им в полной мере воспользоваться новыми возможностями получения необходимых книг.

---

²⁹ Н. Usener. Vier lateinische Grammatiker // *RhM*, N. F. 23 (1868) 492.

³⁰ Ср. Holtz (см. прим. 6) 82–83.

Творчество Диомеда и Харизия знаменовало собой переход ведущих латинских грамматиков к более ученому стилю работы. Составленный из записей учебных курсов, читавшихся в разное время, учебник Диомеда отразил важную перемену в судьбе его автора. Первоначально Диомед учил по традиционной схеме элементарного школьного курса, уделяя более внимание обучению на наглядных образцах, чем теоретическим выкладкам. Спустя какое-то время, уже существенно изменив свой взгляд на излагаемый предмет, Диомед стал развивать те же сюжеты в рамках специальных теоретических курсов³¹. Нет сомнений в том, что в позднейший период его деятельности аудитория Диомеда решительным образом изменилась. Весьма вероятно, что это было связано с его перемещением в Константинополь. Скорее всего, именно в новых условиях Константинополя стали для него доступны труды грамматиков I–II вв. н. э. Веррия Флакка, Реммия Палемона, Теренция Скавра, Валерия Проба, Флавия Капра.

Между тем и в зрелом своем творчестве Диомед сохранял живое чувство принадлежности к традиционной латинской культуре и продолжал следовать некоторым обычаям старой латинской школы. Он мог, например, позволить себе иронизировать над суждениями греческих грамматиков относительно принципа упорядоченности в языке (*analogia*), говоря, что у латинян, к которым он относил себя и своих слушателей, принято при рассмотрении этой темы оставлять в стороне хитросплетения греков ради простых наблюдений над конкретными грамматическими формами³². Делая такого рода выпады против греческой науки и несомненно рассчитывая при этом на сочувствие своих слушателей, Диомед в то же время находил нужным пояснять особые значения латинских слов примерами из греческого языка. Можно сказать, что аудитория Диомеда представляла собой такую же двойственную картину, как и само его творчество.

Следует признать слишком решительным утверждение Л. Ольца о том, что учебник Диомеда был обращен собственно к грече-

---

³¹ См. В. И. Мажуга. О труде грамматика Фоки *Ars de nomine et verbo* как источнике учебника Диомеда и о творческом методе Диомеда // *Классические языки и европейское языкознание. Сб. статей по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора И. М. Тронского*. Отв. ред. Н. Н. Казанский (С.-Петербург 1998) 80–96.

³² *GL I*, 382, 15–16: *Analogia apud nos, id est proportio, praetermissis Graecorum ambagiis simplici modo tam in verbis quam in nominibus observatur.*

ской публике³³. Среди учеников Диомеда, по всей видимости, было немало отпрысков видных семей, принадлежавших к латинской культуре и в то же время приобщившихся к греческой образованности. Греки же, несомненно присутствовавшие в его аудитории, в свою очередь, как можно думать, достаточно глубоко прониклись латинским культурным влиянием. Такая аудитория могла составить в константинопольской латинской школе в начальный период истории новой столицы, когда носители подлинной латинской культуры играли ведущую роль в делах императорской администрации и их влияние определяло контингент молодых людей, которые могли готовиться к поступлению на службу.

Харизий был уже лишен той изначальной связи с латинской культурной почвой, наличие которой у Диомеда не вызывает сомнений. Адресуя свой учебник сыну в посвятельном послании, Харизий сообщает, что желает связать сына любовью к латинской речи (*amore Latini sermonis obligare*), и ставит перед ним задачу препоручить памяти и чувствам учение, которым исполнен учебник, с тем чтобы было видно, что он постарался силою ума обрести то, чего ему не было дано от рождения в его отечестве: *ut quod originalis patriae natura denegavit virtute animi adfectasse videaris*. Из слов Харизия следует, что для его сына латинский язык не был родным³⁴. Нетрудно предположить, что “отечество” (*patria*) сына было то же, что и “отечество” самого Харизия. В любом случае представляется очевидным, что и Харизий вполне овладел латинским языком лишь во взрослом состоянии и потому в его семье этот язык не стал основным.

Способ овладения латинским языком путем систематических умственных усилий (*virtute animi*) не менее, чем основательная выучка у греческого грамматика, определил особо педантичную манеру, с которой Харизий, став учителем латинской грамматики, подходил к своему материалу. В отличие от учебника Диомеда, об учебнике Харизия можно определенно сказать, что он был рассчитан прежде всего на восприятие греков, овладевавших латынью в сознательном возрасте. В истории латинской грамматической школы Харизий представлял, по всей видимости, совершенно новый тип эрудита и ученого педанта, и именно потребности той своеобразной школьной аудитории, которая возникла в Константинополе, обусловили его выдвижение.

---

³³ Holtz (см. прим. 6) 82.

³⁴ Ср. Usener (см. прим. 27) 492.

Новый стиль изложения основных тем латинской грамматики получил у Харизия наиболее отчетливое выражение в его отношении к предшественникам. По обычаю старой латинской школы Диомед продолжал весьма свободно обращаться с наследием предшественников, чаще всего не считая нужным называть их имена. Хотя круг ученой литературы, использованной Диомедом, немногим уступает тому, который представлен у Харизия, и притом Диомед воспроизводил порою доктрины, не получившие отражения в учебнике Харизия, современные исследователи с полным правом рассматривают именно учебник Харизия в качестве основного источника по истории римской грамматической теории. В своем учебнике, как было отмечено, Харизий охотно останавливается на различных суждениях об отдельных предметах, и, главное, передает эти суждения в развернутой форме, указывая во многих случаях имя того, чьи определения он приводит.

Примеры, на которые опирался Л. Йееп, обосновывая свой взгляд на творчество двух грамматиков, хорошо показывают особенности подхода каждого из них к трудам предшественников. Благодаря характеристике, которую дал им Йееп, эти примеры остаются до сих пор по сути дела главным аргументом в пользу господствующего представления об использовании Диомедом материалов, содержащихся в учебнике Харизия. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что выделенные Йеепом сходные места в учебниках Диомеда и Харизия скорее позволяют говорить о тексте Харизия как исправленной версии соответствующих параграфов учебника Диомеда. За недостатком места мы ограничимся здесь разбором лишь первого из приведенных Йеепом примеров.

Этот пример составили главы учебников обоих авторов, посвященные особой традиции определять по гласной, на которую оканчивалось имя в аблативе в единственном числе, способ образования множественного числа имени в разных падежах. Изложение темы у Диомеда (*GL I*, 303, 30 – 308, 10) отличается свободным развитием мысли, характерными для живого учебного курса специальными экскурсами, в известной мере нарушающими основной ход мысли, а порою и очевидными сбоями в порядке рассмотрения предмета. Одним словом, текст Диомеда может быть расценен в значительной части как плод самостоятельного творчества этого грамматика.

У Харизия мы находим два варианта изложения темы. Тот, которым открывается глава, приписан Коминиану (*GL I*, 147, 18 – 148, 13 = 187, 7 – 188, 10 Barw.). Этот начальный вариант отличается предельной краткостью. Однотипные формы с окончанием

в аблативе единственного числа на *a* и *o* здесь соединены в одну группу, формы номинатива, вокатива и аккузатива, как более простые, за одним исключением вообще не представлены. Второй вариант (*GL* 1, 148, 14 – 150, 20 = 188, 11 – 191, 14 *Varw.*), отнесенный Харизием в общей форме на счет других авторов (*aliis... ita placuit definire*), представляет собой, как мы постараемся ниже показать, сокращенную и исправленную версию того текста, который содержится в учебнике Диомеда. Йееп должен был бы по крайней мере отметить, что текст Диомеда намного пространнее сходного текста Харизия, и постараться дать свое объяснение этому обстоятельству. Однако Йееп этого не сделал, что можно объяснить прежде всего весьма небрежным стилем его работы, проявившимся, в частности, в неверном цитировании выделенного им текста Диомеда³⁵.

В своих поспешных построениях Йееп, очевидно, ограничился лишь общим наблюдением относительно сходства названной главы учебника Диомеда и соответствующего ей варианта изложения темы у Харизия, в первенстве которого он был заранее уверен. Во всяком случае, он счел достаточным указать на совпадение одной только первой фразы в тексте обоих авторов. Кроме того, ему представлялось, что вторая фраза Диомеда вполне точно повторяла начальную фразу первого, заимствованного у Коминиана, варианта изложения темы в учебнике Харизия. Была ли эта вторая фраза Диомеда действительно повторением первой фразы приведенного Харизием текста Коминиана – мы рассмотрим несколько ниже. Как бы то ни было, сам Йееп решил, что установленное им сходство начальной части текста Диомеда с первыми фразами обоих вариантов изложения темы у Харизия со всей определенностью говорит об интересующем нас тексте Диомеда как комбинации из двух разных частей соответствующей главы учебника Харизия.

Похоже, никто до сих пор не пытался проверить надежность примеров, приведенных Йеепом в доказательство зависимости Диомеда от Харизия. Попробуем заново сопоставить текст названной главы в учебнике Диомеда со вторым вариантом изложения темы в учебнике Харизия. Сразу отметим, что в отношении текста Диомеда не приходится говорить о простых дополнениях к некой четко очерченной основе, взятой у Харизия, равно как и о вольном воспроизведении текста Харизия, нарушающем первоначально ус-

---

³⁵ Йееп. *Zur Geschichte...* (см. прим. 7) 61: *terminata* вместо *terminantur* (ср. *GL* 1, 303, 33).

тановленные логические связи. Более четкая разработка отдельных определений у Харизия всякий раз оказывается связанной с глубоким расхождением двух авторов в изложении основной темы, а не, скажем, с простым различием речевых оборотов.

В параграфе об образовании форм множественного числа имен, оканчивающихся на *-e* краткое в аблативе единственного числа, Харизий не забывает отметить, что в дативе и аблативе множественного числа *-e* краткое аблатива единственного числа переходит в *-i-* и что правило образования форм датива и аблатива множественного числа одинаково для имен всех трех родов (*GL I, 149, 9–12 = 189, 25–29 Varw.*). Обычно внимательный ко всем превращениям, которые форма аблатива единственного числа, условно принятая за исходную, как бы претерпевала при образовании форм множественного числа, а в рассматриваемом параграфе учитывавший в отношении прочих падежных форм и род имени, Диомед ограничился лишь общим указанием на то, что соответствующие имена в дативе и аблативе множественного числа оканчиваются на *-bus* (*dativum vero et ablativum pluralem mittunt in bus, GL I, 305, 22–23*).

Не видно причин, по которым словообильный Диомед мог бы сократить здесь текст Харизия. Несомненно, мы имеем дело с логическими пропусками, более свойственными оригинальной версии того или иного текста, нежели позднейшим его переработкам. Следует заметить, что в важнейших источниках Диомеда – учебнике, приписываемом Максиму Викторину, и учебнике Сакердоса, о которых мы еще скажем ниже, – в параграфах того же содержания образование датива и аблатива определено в такой же упрощенной форме (ср. *GL VI, 191, 3–4; 427, 11–13*). В то же время у самого Харизия мы находим достаточно определенное свидетельство того, что он самостоятельно переработал рассматриваемую часть параграфа с целью сделать изложение предмета более строгим и единообразным. Об этом говорят новые примеры (*ab hoc hospite et ab hac matre... his et ab his hospitibus, matribus...*), которые в интересующем нас месте Харизий ввел взамен примеров, использованных в других частях параграфа.

В параграфе об образовании падежных форм множественного числа у имен, оканчивающихся на *-o* в аблативе единственного числа (*GL I, 307, 7 sqq.*), Диомед нарушил им самим принятый порядок рассмотрения падежных форм. Вместо того чтобы представить вначале, как обычно, способ образования номинатива и сходного с ним по форме вокатива и сопоставить окончания номинатива и аккузатива, Диомед указал в первую очередь на способ

образования генетива, затем, восполняя упущенное, представил формы номинатива и вокатива, но опустил способ образования аккузатива, с тем чтобы обратиться к нему уже после рассмотрения форм датива и аблатива (*ibid.* 307, 11 sqq.). Вслед за тем Диомед особо рассмотрел образование форм номинатива, аккузатива и вокатива у имен среднего рода.

При, так сказать, правильном для рассматриваемой главы порядке описания падежных форм, когда первым рассматривался номинатив, уже в самом начале соответствующих параграфов возникла необходимость указать на особые формы имен среднего рода. К таким указаниям тут же присоединялись указания на сходные формы этих имен в вокативе и аккузативе. Чтобы избавить учащихся от лишних вопросов, Диомед указывал далее всякий раз на сходство форм генетива – а в двух случаях и датива и аблатива – у имен всех трех родов (см. *ibid.* 305, 18 sqq.; 32 sqq.; 307, 15–17; 29 sqq.), хотя о каких-либо различиях здесь вообще не могло быть речи. Когда же из-за нарушения порядка рассмотрения падежных форм в параграфе об именах, оканчивающихся в аблативе единственного числа на *-o*, формы генетива оказались впереди форм номинатива, а формы датива и аблатива – впереди аккузатива, Диомед не стал указывать на сходство форм имен трех родов при первом упоминании генетива, датива и аблатива.

Ближе к концу параграфа Диомед указал, как мы уже отметили, на особые формы номинатива, вокатива и аккузатива у имен среднего рода, и здесь-то он и счел нужным дополнить свое описание падежных форм множественного числа отдельным указанием на сходство форм генетива в среднем роде с формами генетива в мужском роде. Это нарочитое указание он ввел, руководствуясь, скорее, уже выработанной формальной схемой, нежели подлинной потребностью внести необходимую ясность в изложение предмета. Очевидно, чувствуя избыточность своего указания, он не стал далее говорить о формах датива и аблатива имен среднего рода.

Нарушение порядка изложения под воздействием живых ассоциативных связей и в силу других причин весьма характерно для манеры Диомеда, выработанной в чтении учебных курсов³⁶. Увлечшись попутными наблюдениями и переработкой дополнительного материала, почерпнутого в источниках разного рода – о таком увлечении свидетельствует содержание предыдущего параграфа, – Диомед, по-видимому, забыл об избранной им самим схеме

---

³⁶ Ср. В. И. Мажуга. О труде грамматика Фоки (см. прим. 31) 80 и сл.

изложения предмета, когда приступал к описанию падежных форм множественного числа у имен, оканчивающихся в аблативе на *o*, и незаметно для себя последовал тому плану описания форм множественного числа, который был развернут в одном из его источников. Следует иметь в виду, что не только в упомянутом тексте Коминиана, воспроизведенном в учебнике Харизия, но и во всех учебниках времени ранее Диомеда, где содержится соответствующая глава³⁷, представлены падежные окончания лишь генетива, датива и аблатива. Именно с описания форм генетива Диомед и начал, как мы видели, названный параграф. По всей видимости, Диомед первым попробовал последовательно описать, исходя из форм аблатива единственного числа, все падежные формы множественного числа, а не только генетив, датив и аблатив, и потому еще не сумел полностью преодолеть зависимость от прежней традиции.

У Харизия в параграфе того же содержания (*GL I*, 149, 26 sqq. = 190, 15 sqq. *Varw.*) определения, примененные Диомедом, выстроены в том порядке, в каком сам Диомед рассматривал падежные формы множественного числа в других параграфах, т. е. представлены сначала формы номинатива и вокатива, затем аккузатива и далее генетива, датива и аблатива. Следуя требованиям единообразия, Харизий указал к тому же, в какой зависимости от рода имени находится каждая падежная форма. Вместе с тем нетрудно заметить, что упорядоченный, приведенный к большему единообразию текст Харизия дальше отстоит от предшествующей традиции, нежели составленный в более свободной манере текст Диомеда.

Прямое влияние грамматиков III – начала IV в. на Диомеда обнаруживает себя особенно отчетливо в выборе лексических средств, в то время как у Харизия в интересующем нас отрывке мы не находим примеров подобного влияния этих грамматиков на язык автора. Более того, лексика Харизия определенно свидетельствует о том, что текст соответствующих параграфов в его учебнике явился плодом переработки исключительно текста Диомеда с целью его упорядочения.

В начале рассматриваемой нами главы Диомед дважды применил в качестве зачина к своим определениям словосочетание *Quaesuntque nomina* (*GL I*, 303, 36; 304, 27). Далее в той же главе Диомед, однако, сменяет этот зачин на новый: *Nomina quae* (*GL I*,

³⁷См. ниже с. 157 и след.

305, 9). У Харизия применено всюду только это последнее словосочетание. Подобным же образом дважды в начале главы, говоря о конечной гласной ряда имен в аблативе, Диомед применил глагол *termino* в форме *futurum II* страдательного залога: *fuertint terminata* (*ibid.* 303, 37; 305, 9), а затем предпочел этому глаголу глагол *finio* в форме настоящего времени страдательного залога: *finiuntur* (*ibid.* 304, 28; 305, 25; 107, 7). У Харизия мы встречаем всюду только глагол *finio* в форме *finiuntur*.

Отмеченные колебания в выборе лексических средств у Диомеда следует объяснять, очевидно, тем, что в начале работы над параграфом он с повышенным вниманием относился ко всем деталям текста источника, взятого за образец, а затем, освоившись с материалом этого источника, стал излагать его в более свободной форме, применяя привычные для себя выражения. Харизий же после общего знакомства с текстом Диомеда подхватил наиболее характерные для того выражения, которые, можно предположить, были и для него вполне привычны.

Нетрудно определить источники, повлиявшие на лексику Диомеда в начале рассматриваемой главы. Выражение *Quaesumque nomina* многократно применено при изложении той же темы в учебнике Палладия, приписывавшемся со времен поздней античности грамматiku Пробу (*GL IV*, 123, 8; 15; 20–23; 27; 34)³⁸. Там же в соответствующих фразах встречаем мы неизменно и глагол *termino*, правда, в форме настоящего времени: *terminantur*. По нашим наблюдениям, Диомед во многом следовал именно Палладию³⁹. Возможно, у этого автора заимствовал он примеры с именами *Aenea* и *Anchisa*, которые привел в начальной части первого параграфа интересующей нас главы (*GL I*, 304, 1 sqq.; ср. *GL IV*, 76, 15 sqq.; 31 sqq.), посвятив при этом имени *Anchisa* даже целый экскурс (*GL I*, 304, 3–10).

Однако основным образцом, которому следовал Диомед в начале главы об образовании падежных форм множественного числа в зависимости от окончания аблатива единственного числа, по-видимому, следует признать учебник, который рукописная тради-

³⁸ Herzog-Schmidt (см. прим. 14) 116–118.

³⁹ Ср. применение терминов *gerundi* (-ia) и *supina* в отношении форм герундия в учебниках Сакердоса, Палладия, Диомеда и Харизия: *GL VI*, 436, 31; 438, 24–25; 439, 38–39; 441, 15–16; *GL IV*, 161, 31–32; 165, 27–28; 169, 5; 177, 39; 179, 24–25; *GL I*, 352, 34–35; 354, 16–17; 355, 19–20; 356, 13–14; 35–36; *GL I*, 175, 25 = 225, 17 Barw.

ция связывает равно с именем Викторина и с именем Палемона (см. *GL VI*, 185 sqq.)⁴⁰. По довольно меткому замечанию П. Весснера, разноречивой в определении авторства говорит о том, что первоначально учебник ходил в анонимных списках и лишь позднейшие переписчики в силу разных причин связали его с именами известных авторов⁴¹. Следуя господствующей традиции, будем условно называть его учебником Викторина. Судя по характеристике группы глаголов, именуемых *neutra* (*GL VI*, 198, 8–10), рассматриваемый учебник мог быть написан не ранее середины III в.⁴² Исследователи датируют учебник первыми десятилетиями IV в. н. э.⁴³

В учебнике Викторина в главе об определении падежных форм множественного числа по гласной аблатива в единственном числе мы встречаем равно выражение *Quaesumque nomina* (*GL V*, 190, 20; ср. *GL VII*, 342, 20) и глагол *termino* в формах будущего времени страдательного залога, как у Диомеда: *fuertint terminata* (-i), *fuertint terminatus* (*GL VI*, 190, 20–21; 24; 191, 6–7, ср. *GL VII*, 342, 21; 24.). Эти наблюдения относительно зависимости учебника Диомеда от учебника Викторина можно дополнить примером поразительного сходства текста обоих авторов в параграфе, посвященном отношению форм генетива к формам номинатива в единственном числе (ср. *GL I*, 303, 7–11, *GL VI*, 190, 10–17). Пример этот для нас тем более показателен, что в обоих учебниках названный параграф непосредственно предшествует рассматриваемой нами главе. Диалогическая форма текста Викторина у Диомеда, сменяется, правда, монологической формой, но в остальном текст Диомеда в параграфе о формах генетива отличается от текста Максима Викторина преимущественно большей лаконичностью и упорядоченностью.

Необходимо отметить, что и Донат в главе о способах определения падежных форм множественного числа по окончанию аблатива в единственном числе всюду применяет заинтересовавшие нас в тексте Диомеда словосочетание *Quaesumque nomina* и глагол *termino* в форме будущего времени страдательного залога *fuertint terminata* (*GL IV*, 378, 5 sqq. = 626, 3 sqq. Holtz). Если бы

⁴⁰ См. P. Wessner. Marius Victorinus // *RE XIV* (1930) 1845, 36 ff.

⁴¹ *Ibid.* 1847, 8 ff.

⁴² Ср. В. И. Мажуга. О времени жизни грамматика Фоки и о понятии *neutropassiva* // *MOUSEION. Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия* (С.-Петербург 1997) 251–262.

⁴³ См. Wessner. *Op. cit.*, 1845, 24 ff.; ср. Herzog – Schmidt (см. прим. 14) 109.

мы последовали общепринятому представлению о том, что Диомед жил позднее Доната, то должны были бы признать, что особая лексика, примененная Диомедом в начале рассматриваемой главы, была заимствована им у Доната. Однако детальное сопоставление текста двух грамматиков не оставляет сомнений в том, что, напротив, Донат пользовался материалом Диомеда и его предшественников⁴⁴.

Итак, уже первые сделанные нами наблюдения позволяют утверждать, что глава об определении падежных форм множественного числа в учебнике Диомеда представляет плод самостоятельной и весьма свободной переработки материала грамматиков, учивших в III – начале IV века. В то же время сходный текст в учебнике Харизия может быть расценен как результат, скорее, последующей переработки текста Диомеда с целью простого упорядочения изложения темы. Теперь попробуем определить, в каком отношении находятся вторая фраза в начальной части рассматриваемой главы учебника Диомеда и сходная фраза в первом, заимствованном у Коминиана, варианте изложения темы в учебнике Харизия, иными словами, попытаемся ответить на вопрос, можно ли, следуя утверждениям Йеэпа, рассматривать фразу Диомеда как повторение воспроизведенной Харизием фразы Коминиана? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо затронуть весь круг учебников, созданных ранее времени Диомеда, где содержится глава об определении падежных форм множественного числа по окончанию аблатива единственного числа. Похоже, в своих построениях Йеэп вообще не принял во внимание существование значительной группы текстов, из которых Диомед мог черпать материал для названной главы.

Разработка интересующей нас темы в учебниках предшествовавшего периода, как и использование Диомедом материала этих учебников в своем труде, представляет весьма поучительную картину. Хорошо можно видеть, что все эти авторы заимствовали у предшественников лишь общую схему изложения предмета, отдельные выражения и примеры, но никто не цитировал дословно текст предшественника. Каждый излагал тему заново в собственной манере, как это было свойственно людям, занятым чтением живого учебного курса. Только тщательное сопоставление текстов позволяет выявить прямую преемственность одних в отношении других.

---

⁴⁴ Развернутое обоснование этому утверждению постараемся дать в отдельной работе *“Об источниках учебника Доната”*.

Весьма вероятно, что начало традиции рассматривать падежные формы множественного числа в зависимости от формы аблатива единственного числа положил автор краткого пособия, которое рукописная традиция связывает с именем Реммия Палемона. Повидимому, извлечения из подлинного учебника Реммия Палемона составили в какой-то мере содержание этого пособия. К примеру, в нем воспроизведена без каких-либо нововведений III века древнейшая трактовка глаголов, именуемых *neutra* (GL V, 542, 31–33). Вместе с тем опыт рассмотрения всех падежных форм множественного числа исходя из форм аблатива единственного числа никак не может быть отнесен на счет Реммия Палемона. Такой подход к грамматическим явлениям, возможно, представлял собой более или менее удачный педагогический прием, но определенно не вписывался в достаточно строгие теоретические построения классика римской грамматической науки, каким был Реммий Палемон. В учебнике Фоки, древнейшем, возможно, из сохранившихся грамматических пособий общего характера и к тому же построенном, по наблюдениям ряда исследователей, преимущественно на основе материалов Реммия Палемона⁴⁵, падежные окончания множественного числа рассматриваются исключительно исходя из форм номинатива единственного числа и с неизменным вниманием к системе основных типов склонения (GL V, 412, 17 sq.).

Таким образом, автор интересующего нас здесь учебника может быть назван только Псевдо-Палемоном. Относительно времени написания учебника заметим, что, судя по упомянутой характеристике группы глаголов, именуемых *neutra*, он мог быть создан даже ранее времени Фоки, а последний, насколько удалось нам установить, преподавал в Риме не позднее первой трети III века. В любом случае мы, пожалуй, не ошибемся, если отнесем пособие Псевдо-Палемона ко времени ранее середины III в..

Интересующая нас тема изложена у Псевдо-Палемона еще в самой свободной форме (GL V, 533, 2–25). Ее изложение не выделено в особую главу, как в других учебниках, но представлено в виде попутной рекомендации в связи с характеристикой форм аблатива в единственном числе; причем, в отличие от других учебников, формы аблатива рассматриваются не самостоятельно, но исходя из форм номинатива единственного числа (*ibid.* 533, 4–6). Главное же, что позволяет взглянуть на интересующий нас раздел пособия Псевдо-Палемона как на общий источник всех прочих ва-

---

⁴⁵ См. В. И. Мажуга (см. прим. 42) 251 и след., особ. 254–255.

риантов изложения темы, содержащихся в позднейших учебниках, – это неопределенность оценки несклоняемых имен (*aptota*).

Автор пособия отмечает, что формы аблатива у этих имен не соответствуют основным правилам образования аблатива, но в то же время не решается исключить их из общего рассмотрения форм аблатива. Заявив, что несклоняемые имена не должны смущать при установлении основного правила, так как они малочисленны (*quae nos turbare non debent, quia pauca sunt, ibid. 533, 6–7*), он предлагает далее рассматривать прилагательное *nequam* и существительное *nugas* как оканчивающиеся в аблативе на согласные *-m* и *-s*. Иными словами, он счел возможным, пусть и с оговорками, уподобить эти конечные согласные несклоняемых имен обычным флексиям, роль которых, согласно основному правилу, выполнял ряд гласных. Очевидно, именно двойственное отношение Псевдо-Палемона позволило в дальнейшем одним авторам представить примеры несклоняемых имен как исключение из правил, а другим – включить их конечные согласные в общий перечень флексий аблатива.

В интересующем нас разделе пособия мы не встречаем словосочетания *Quaecumque nomina*. Автор нигде, за одним только исключением (*GL V, 533, 2*), не употребляет и глагол *termino*, как, впрочем, и глагол *finio*, предпочитая им глагол *habeo*. Последнему, однако, он придает опять-таки ту характерную форму будущего времени *futurum II* (*habuerit, ibid. 533, 12; 20*), в которой употреблен глагол *termino* у Диомеда и Максима Викторина. Особенно важно отметить явное сходство начала первой фразы в рассматриваемом отрывке учебника Псевдо-Палемона: *Omnia nomina quinque vocalibus ablativo casu terminantur a e i o u* (*ibid. 533, 2–3*) – и начала интересующей нас здесь второй фразы Диомеда: *Omnia nomina ablativo casu singulari quinque litteris vocalibus terminantur a e i o u* (*GL I, 303, 32–34*).

Сходный текст Коминиана, воспроизведенный в учебнике Харизия (*GL I, 147, 18–148, 13 = 187, 7–188, 10 Barw.*), обнаруживает прямую зависимость от названного раздела учебника Псевдо-Палемона. Достойно внимания то обстоятельство, что Коминиан использовал в основном пояснительные примеры, приведенные в соответствующих параграфах учебника Псевдо-Палемона (*doctus, res, paries, agilis, versus*, ср. *GL V, 533, 4 sqq.*). Столь значительного совпадения примеров мы не наблюдаем в других учебниках. Возможно, Коминиан создавал свой учебник немного времени спустя после появления учебника Псевдо-Палемона и при написании интересующей нас главы находился под воздействием

исключительно той первоначальной разработки темы, которая содержалась в этом учебнике, влияния же иных вариантов ее изложения он не испытывал, так как они появились лишь в более позднее время.

Свидетельством прямой зависимости Коминиана от Псевдо-Палемона может служить глагольная форма *habuerint*, которую Коминиан применил, указывая на конечные гласные аблатива единственного числа в первой из рассматриваемых им групп имен (*GL I*, 147, 22 = 187, 13 *Varw.*). Как и в отмеченном выше случае с Диомедом, воздействие образца сказалось на словоупотреблении Коминиана в начале рассматриваемого текста, далее же в соответствующих фразах он стал использовать более привычный для него глагол *finio* в форме *futurum I* страдательного залога: *finientur* (*GL I*, 147, 26 sqq. = 187, 18 sqq. *Varw.*). Вновь он применил форму *habuerint* лишь в заключительном параграфе главы, где под явным влиянием соображений, изложенных в учебнике Псевдо-Палемона, особо остановился на теме несклоняемых имен (*GL I*, 148, 12–13 = 187, 7–188, 9–10 *Varw.*).

Коминиан в полной мере принял мысль Псевдо-Палемона о том, что конечные согласные *-m* и *-s* несклоняемых имен *nequam* и *nugas* можно представить в качестве окончаний аблатива единственного числа, и включил их в общий перечень окончаний аблатива (*GL I*, 147, 19 = 187, 9–10 *Varw.*), а далее посвятил им, как мы отметили, отдельный параграф в своем описании падежных форм множественного числа (*GL I*, 148, 12–13 = 188, 9–10 *Varw.*). Между тем, начало фразы, в которой перечисляются окончания аблатива единственного числа, Коминиан построил несколько иначе, чем его предшественник: *Ablativus casus singularis... quinque vocalibus terminatur, a e i o u, semivocalibus duabus, m et s...* (*GL I*, 147, 19 sqq. = 187, 8 sqq. *Varw.*). Здесь мы можем уже со всей определенностью сказать, что только полное невнимание Йеэпа к кругу возможных источников Диомеда позволило ему вообразить, что такая фраза могла явиться настоящим прототипом второй фразы Диомеда в рассматриваемой главе его учебника: *Omnia nomina ablativo casu singulari quinque litteris vocalibus terminantur...* (*GL I*, 303, 32 sqq.). Ведь начальная фраза в подобной главе учебника Псевдо-Палемона – *Omnia nomina quinque vocalibus ablativo casu terminantur...* (*GL V*, 533, 2–3) – в гораздо большей мере напоминает образец, которому мог следовать Диомед.

Правда, продолжение вводной фразы Коминиана, как его донесла до нас рукописная традиция: *exseptis pronomibus, ut ab*

eodem et ab hoc, et nominibus appellativis monoptyotis, ut nequam nugas, – и продолжение второй фразы Диомеда: *exceptis pronomibus quibusdam, ut ab eodem a quodam ab hoc, item iis quae sunt aptota...* – обнаруживают явное сходство. В обоих случаях речь идет об исключении из общего правила, которое составляли некоторые местоимения и вся совокупность несклоняемых имен, и для указания на это исключение применено одно и то же характерное причастие *exceptis*. Однако можно со всей решительностью утверждать, что по меньшей мере указание на несклоняемые имена как представляющие определенное исключение является в тексте Коминиана вставкой, сделанной позднейшим неловким графоманом.

Это указание находится в полнейшей противоречии с предшествующим упоминанием конечных согласных наиболее характерных несклоняемых имен, *nequam* и *nugas*, в общем ряду окончаний аблатива в единственном числе⁴⁶. Определение “нарицательные” (*appellativa*) применено в отношении названных несклоняемых имен без видимой цели сопоставить их с именами “собственными”, и возникает мысль, что позднейший редактор, превратно понимая термин *appellativa*, использовал его для указания на определенное качественное отличие несклоняемых имен от прежде упомянутых местоимений. Думается, что в подлинном тексте Коминиана отсутствовало не только указание на несклоняемые имена, как представляющие исключение из основного правила, но равно и указание на местоимения в качестве такого же исключения, иными словами, фраза Коминиана вообще не содержала указаний на исключения. Главный довод в пользу этого предположения мы приведем несколько ниже, здесь же выскажем одно общее соображение.

Указание на местоимения представляло собой некоторую творческую находку, обогатившую первоначальное видение пред-

---

⁴⁶ Следует признать безосновательной попытку Толкина истолковать в качестве вставки не указание на несклоняемые имена, как составляющие исключение, а упоминание согласных *m* и *s* в общем ряду окончаний аблатива в единственном числе, см. *Tolkien* (см. прим. 11) 37. Неубедительна и попытка Барвика преуменьшить значение отмеченного смыслового противоречия; см. *Barwick* (см. прим. 12) 16, Anm. 2. В своем издании учебника Харизия Барвик даже не указал на сходное место в учебнике Псевдо-Палемона среди прочих отмеченных им параллелей, а ведь именно сопоставление с определениями Псевдо-Палемона позволяет удовлетворительным образом восстановить подлинную мысль Коминиана; см. *Charis. 187 Barw.*

мета. Трудно объяснить, как человек, оказавшийся способным к такой находке, мог упустить из виду все те сложности, которые были связаны с несклоняемыми именами в деле применения общего правила относительно образования падежных форм множественного числа. Ведь он не мог не помнить, к примеру, о большой группе несклоняемых имен, которые оканчивались на гласные, характерные для нормальных форм аблатива единственного числа, но тем не менее во множественном числе никак не подчинялись общему правилу. По всей видимости, на определенные формы местоимений, как составляющие исключение из правила, мог указать тот грамматик, кто в начале своего изложения темы указывал на несклоняемые имена в качестве такого же исключения. Возможно, Диомед и был тем грамматиком, кто впервые в соответствующем месте упомянул местоимения. Особое сходство тех указаний на исключения из правила, которые содержатся в рассматриваемых фразах Диомеда и Коминиана, по-видимому, следует объяснять тем, что раннесредневековый переписчик учебника Харизия, в котором воспроизведен интересующий нас текст Коминиана, добавил к нему материал из учебника Диомеда, как это можно наблюдать в других частях дошедшей до нас редакции учебника Харизия.

Хотя и не называя имени Коминиана, Диомед широко использовал его материал в своем учебном курсе. В этом нетрудно убедиться, сравнив выдержки из учебника Коминиана, представленные Харизием, со сходными отрывками в учебнике Диомеда⁴⁷. Возможно, Диомед некоторым образом учитывал материал Коминиана и при написании рассматриваемой главы, но, вопреки утверждениям Йеепа, мы не находим в ее тексте ни одного надежного примера прямых заимствований из воспроизведенной Харизием части учебника Коминиана. Дальнейший обзор источников Диомеда приводит к выводу, что в главе об определении падежных форм множественного числа по конечной гласной аблатива единственного числа Диомед использовал прежде всего материал грамматиков близкого к себе времени.

Несомненно, важнейшим источником в рассматриваемой части его труда послужил Диомеду учебник Сакердоса (см. *GL VI*,

---

⁴⁷ Ср. 1) *GL I*, 175, 29 sqq. = 225, 23 sqq. Barw., особ. *GL I*, 176, 3 sqq. = 226, 6 sqq.; *GL I*, 346, 31 – 347, 2; 347, 37 sqq.; 2) *GL I*, 224, 24 sqq. = 289, 19 sqq. Barw.; *GL I*, 415, 16–17; 23 sqq.; 3) *GL I*, 230, 4; особ. 6 sqq. = 298, 2 Barw., особ. 5 sqq.; *GL I*, 409, 24 – 411, 5; 4) *GL I*, 265, 2–22 = 349, 18 – 350, 23 Barw.; *GL I*, 451, 22 sqq.

427, 4–428, 18). Сам Сакердос во многом следовал Коминиану, но в то же время и свободно изменял изложение темы. Диомед отразил нововведения Сакердоса самым непосредственным образом. Так, Сакердос указывает на окончания имен в аблативе единственного числа неизменно с помощью глагола *finio*, как это в большинстве случаев делал и Коминиан, но в отличие от Коминиана применяет этот глагол не в форме будущего времени, *finientur*, а в форме настоящего времени – *finiuntur* (см. *GL VI*, 427, 12 sqq.). В основной части рассматриваемой главы учебника Диомеда применен в соответствующих фразах, как мы отмечали, тот же глагол, и именно в форме настоящего времени. Сакердос первый отделил имена, оканчивающиеся в аблативе единственного числа на *-o*, от имен, оканчивающихся в этом падеже на *-a*, и поместил имена с аблативом на *-o* ближе к концу главы – перед именами с аблативом на *-i* (*GL VI*, 428, 9 sqq.). Именно в таком порядке рассмотрел и Диомед группы имен, оканчивающихся в аблативе на *-a* и *-o*.

Складывается впечатление, что лексика и образ мыслей Диомеда выработались под глубоким воздействием учебного курса Сакердоса, можно даже допустить, что Диомед был его учеником. Между тем Диомед обладал достаточно сильным умом, чтобы в конце концов осознать путанный и произвольный характер многих построений Сакердоса. При написании рассматриваемой главы он, очевидно, вполне осмысленно делал выбор в пользу других, более авторитетных для него образцов. Таким образом, оказался отвергнут взгляд на несклоняемые имена, как особую группу в ряду имен, формы множественного числа которых можно было определять по окончанию аблатива единственного числа. В то время как по примеру Коминиана Сакердос посвятил таким именам отдельный параграф в интересующей нас главе (*GL VI*, 428, 17–18), Диомед указал на них лишь как на исключение из правила в вводной части главы. В том, как он это сделал, можно усмотреть влияние учебника Викторина, отдельные выразительные проявления которого мы уже наблюдали выше.

Как и учебник Сакердоса, учебник Викторина отмечен влиянием Коминиана, вместе с тем в тексте интересующей нас главы заметны и заимствования из учебника Псевдо-Палемона. Например, в учебнике Викторина, как и в учебнике Псевдо-Палемона, при указании на конечный слог генетива во множественном числе у имен первой из рассматриваемых групп одинаково применено характерное выражение *mittunt (-ant) in* (*GL V*, 190, 21; *VI*, 533, 13; ср. *ibid.* 533, 22). Текст Викторина можно, таким образом, рассмат-

ривать как плод самостоятельной переработки по меньшей мере двух различных образцов.

Одна из начальных фраз в рассматриваемой главе учебника: *Ablativus casus singularis exceptis... una ex quinque vocalibus terminatur* (*GL VI*, 190, 18–20), – довольно точно воспроизводит основную структуру вводной фразы Коминиана: *Ablativus casus singularis... quinque vocalibus terminatur...* (*GL I*, 147, 19 sqq. = 187, 8 sqq. Barw.). Повторение текста Коминиана можно отметить и в следующей фразе, которая, как и у Коминиана, начинается словами: *Quaecumque... nomina...* (*GL VI*, 190, 20, ср. *GL I*, 147, 22 = 187, 13 Barw.). Как мы уже видели, фраза Коминиана в дошедшей до нас редакции содержит указание на исключения, которое вводится тем же характерным причастием *exceptis*, какое применено для подобного же указания в учебнике Викторина. У Коминиана в качестве исключения названы, однако, местоимения определенного вида и несклоняемые имена, а в учебнике Викторина одни только несклоняемые имена: *exceptis quidem nominibus aptotis, ut nequam et nigas*. Но если бы в подлинном тексте Коминиана, который послужил образцом для рассматриваемой части учебника Викторина, действительно содержалось указание на особые формы местоимений, то оно должно было бы быть повторено в учебнике Викторина.

Так мы получаем еще один повод к тому, чтобы считать позднейшей вставкой указание на исключения в рассматриваемой фразе Коминиана. В то же время одинаковое применение причастия *exceptis* для указания на соответствующие исключения в учебнике Викторина и в учебнике Диомеда (*GL VI*, 190, 18–19; I, 303, 34–35) можно рассматривать как дополнительный признак влияния учебника Викторина на интересующую нас часть учебника Диомеда.

Палладий, вероятное влияние которого на труд Диомеда мы тоже уже отмечали, несомненно в свою очередь обращался к интересующему нас тексту Коминиана. Об этом достаточно определенно свидетельствует, например, то обстоятельство, что в общем описании падежных форм этот грамматик называет согласные *m* и *s*, на которые заканчивались наиболее характерные несклоняемые имена, в ряду других окончаний аблатива в единственном числе (*GL IV*, 75, 2–3). Однако при изложении правил, по которым следовало определять падежные формы множественного числа исходя из форм аблатива единственного числа, Палладий упоминает несклоняемые имена лишь в качестве исключения, причем делает это в параграфах, посвященных именам, оканчивающимся в абла-

тиве единственного числа на определенную гласную (*ibid.* 123, 9; 12; 35).

В двух случаях наряду с несклоняемыми именами он называет в качестве исключения из правила “неправильные” формы (*anomala, ibid.* 123, 9; 12–13), т. е. формы, тем или иным образом отклоняющиеся от норм склонения. Может быть, указание на неправильные формы имен и навело Диомеда на мысль упомянуть в ряду исключений местоимения определенного вида.

Итак, мы можем сделать вывод, что нет никаких оснований усматривать в разобранный нами главе учебника Диомеда комбинацию материалов, представленных в двух разных частях соответствующей главы учебника Харизия. Глава учебника Диомеда явилась плодом самостоятельной переработки материалов, содержащихся в учебниках Псевдо-Палемона, Мария Плотия Сакердоса, Викторина и, возможно, Палладия. Определяющее влияние оказал на Диомеда учебник Викторина.

Напротив, можно с уверенностью утверждать, что второй вариант изложения темы в учебнике Харизия представляет собой исправленную и сокращенную версию главы Диомеда. Диомед был настоящим предшественником Харизия. Следуя обычаю римских грамматиков, Харизий воспроизвел в анонимной форме текст ближайшего предшественника. Новым в творчестве Харизия было то, что он предпослал переработанному им тексту Диомеда сходный текст более отдаленного, авторитетного для Харизия предшественника и назвал его имя.

В. И. Мажуга
 Санкт-Петербургский филиал
 Института российской истории РАН

Les chercheurs ont été frappés depuis longtemps par la ressemblance extraordinaire des traités grammaticaux de Charisius et de Diomède. On a remarqué aussi entre autres choses, que la pensée de Diomède se développe en maints endroits de manière plus continue, tandis que le manuel de Charisius présente une version abrégée du même texte. F. Osann a ainsi affirmé dans les années trente du siècle passé, que Charisius avait utilisé le manuel de Diomède. L'éminent connaisseur des textes grammaticaux romains H. Keil évaluait l'opinion exprimée par Osann comme étant plausible. Ainsi qu'Osann, il

reconnaissait Diomède pour contemporain aîné de Charisius. Toutefois par le fait que Charisius cite souvent les mêmes sources de manière plus complète et plus juste que Diomède, Keil a cru raisonnable d'expliquer la proximité de deux manuels par ce que les deux grammairiens ont exploité les mêmes sources. Dans le présent article, une solution soit disant mixte du problème est proposée: Charisius suivait Diomède, tout en exploitant immédiatement les sources de Diomède. Le but principal de Charisius a été celui de rédiger une version corrigée du manuel de Diomède, qui serait complétée par l'exposé des sujets négligés par Diomède aussi bien que par l'exposé des vues alternatives.

Depuis la fin du siècle passé, une vue bien différente sur l'oeuvre de deux grammairiens gagne la faveur des historiens de la doctrine grammaticale des Romains: on a jugé que Diomède était l'épigone de Charisius. Les raisons de ceux qui partagent cette vue semblent être solides. Le manuel de Charisius se distingue non seulement par la citation plus juste et plus prolixe des sources de nature doctrinale, mais aussi par le répertoire plus large de ces sources et par les indications fréquentes des auteurs des textes cités. Ce qui est particulièrement remarquable dans le manuel de Charisius, c'est la juxtaposition des textes tirés des sources différentes. Dans les chapitres correspondants du manuel de Diomède où l'exposé est toujours homogène, L. Jeep a cru voir une combinaison des textes cités par Charisius. Jeep a su imposer sa vue du problème à la plupart des collègues.

Jeep a notifié en particulier le cas du chapitre sur la détermination des formes des noms au pluriel d'après les formes d'ablatif au singulier. L'auteur de l'article met à l'examen le cas de ce chapitre. Il essaie de démontrer que le texte de Diomède n'est point une combinaison du texte de Cominianus reproduit par Charisius et d'une autre version du même sujet exposée de suite par ce grammairien, mais une création originale de Diomède d'après les modèles que présentaient d'autres manuels, à savoir un précis de la grammaire latine attribué à Remmius Palaemon, le manuel de Sacerdos et surtout le manuel en questions et réponses attribué à Victorinus. Il n'est pas exclu que le manuel de Palladius ait exercé lui-aussi une certaine influence sur Diomède. Quant au texte similaire chez Charisius, c'est-à-dire la deuxième version du même sujet exposée par ce grammairien, il n'est que la version abrégée et corrigée du chapitre du manuel de Diomède.